

УДК 821.131
ББК 84(4Шва)
Л82

Оформление серии Е. Кузнецовой

ISBN 978-5-7516-1572-7

© Editions Mercure de France, 2010

© Е. Морозова, перевод, 2019

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2019

*Посвящаю Жану Леонару,
выбирающему одиночество*

Чаща густая, темная, пульсирующая, живая и животворящая. Она похожа на женщину, жаждущую мужчины, но не способную сказать ему об этом. Нечто, украдкой шепчущее «да», которое тает на губах, впитывается в почву и царапает вам лицо колючками. Такая уж здесь растительность, ничего не поделаешь. По-настоящему дикая. Она словно приглашает исследовать себя, притягивает своей могучей жизненной силой, струится под землей, а потом благоуханием поднимается вверх и неожиданно обволакивает вас целиком. Чаща меняет даже небо над головой. Мокрая после дождя, она подобна женщине, предпочитающей сначала принять душ, а когда плавится на солн-

це, напоминает женщину, которая сгорает от страсти, едва переступив порог. Здешняя чаща никого не отпускает таким, каким он был прежде. Похитив частицу нас, она прячет ее в глубокой реке. Берет на себя бремя обучить нас азарту.

Мне нравится здесь охотиться. Здесь лучше всего пахнет. Мне нравится рыскать по зарослям, пробираться по лесной тропе и выгонять зверя из логова. Это гораздо лучше, чем торчать в баре. Лучше, чем флирт. Лучше, чем потное женское тело. В лесу я трачу свою позитивную энергию. Обратно приношу кровь и килограммы только что убитой свободы. Это гораздо лучше, чем можно себе представить. Когда я стреляю, косуля не ощущает, что ей пришел конец. У нее нет ничего общего с теми животными, что стоят в ожидании, а затем идут умирать на бойню. Ничего общего с теми дурочками в баре, которые все еще верят в прекрасного принца, хотя все знают, что им нечего ему предложить. Их ожидание похоже на ожидание теснящейся в стойлах скотины, которую кормят для того, чтобы потом разом прикончить, скотины, у которой в жи-

лах уже не осталось крови, ибо ей суждено расстаться с жизнью на конвейере, получив разряд тока, скотины, что, словно кочанный салат, растет в денниках на искусственной соломе. Я ничего против не имею, ведь если мужчина дома не съест хороший кусок мяса, он не сможет охотиться. Просто я не сравниваю. Есть животные, а есть звери. Есть кровь загнанного зверя, пульсирующая под кожей, и легкий шум, с которым он всем своим весом наступает на сучок, а есть витаминный сироп, вводимый внутривенно, и порошки, которые проталкивают в глотку. Косуля, в которую я стреляю, пережила и страсть, и голод под свободным небом, она не похожа на тех животных, что ждут своего конца на ферме.

Поэтому по субботам я отправляюсь в лес на охоту. И по вечерам прекрасно себя чувствую. А когда на обратному пути мы валимся от усталости на сиденье пропахшего дичью автомобиля, мы хохочем и горланим песни, кто во что горазд.

Потом парни тянут меня с собой. Субботний стаканчик — это святое, привычка, развлекуха, ублажающая тело. Я часто соглаша-

юсь пойти с ними, но никогда не чувствую себя одним из них.

Это не значит, что я не люблю развлечься, мне всегда есть что сказать, я готов и выпить, и пострелять. Только надо признаться, что иногда, еще до выхода из дома, меня охватывает жуткая тоска. Мне хотелось бы услышать не их голоса, а что-нибудь другое, поэтому, вспоминая о лесе, я стараюсь как можно дольше не смывать его запах. Надо ценить время, которое тебе по душе.

Иной раз, не снимая охотничьей куртки, я сижу на кухне. Руки исцарапаны, и я дышу в сложенные ладони. Они пахнут ружьем и землей, за которую я схватился, пахнут запекшейся кровью и придавленной дикой мятой. Я пью холодный чай. Целых два стакана. Зайдя в ванную комнату, раздеваюсь и бросаю одежду в кучу, только теперь я окончательно расстаюсь с лесом, и вода смывает с меня его запах. Встав под душ, с силой тру себя мылом. Сегодня вечером я сказал приятелям, что не пойду с ними, но чувствую, что они все равно заявятся и попытаются вытащить меня из дома. Я уже слышу, как они молотят в дверь тяжелыми кулаками,

а поскольку я не хочу, чтобы они потревожили соседей, то, разумеется, впускаю их. И вот они здесь, все трое, завсегдатаи, желающие знать, что я предложу им выпить, пока они будут терпеливо меня ждать. Разумеется, недолго, только чтобы дать мне возможность одеться. Я упираюсь, говорю, что сегодня вечером не пойду с ними: потому что так устал, что буквально не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Мой диван невелик, но они готовы потесниться, чтобы пропустить стаканчик дедовой настойки из слив. Я старательно делаю вид, что не с ними, втягиваю щеки и опускаю глаза. Убедившись, что им не удастся меня вытащить, парни, обозрев мою гостиную, уходят. Я слышу, как, спускаясь по лестнице, они галдят так, как привыкли по вечерам в субботу, когда тянет к свету, к барной стойке, когда ты готов потратиться и даже снять девочку. А мне и одному хорошо. Охота была неудачной, мы бродили шесть часов, но никого не выследили, хотя, конечно, чаща щедро одела меня холодом и запахами подлеска. Я чувствую себя разбитым и весь горю от проделанных усилий. Завтра пойду в тир и хорошенько потренируюсь.

В девять утра в тире никого, кроме работающей там молодой женщины. Синяки у нее под глазами говорят о хроническом недосыпе, а ее розовое платье, как всегда, слишком короткое. Оно меня смущает и поэтому не нравится. Эта женщина не создана для таких платьев. Впрочем, я пришел не ради нее; однако я ей улыбаюсь, а потом иду отстреливать взятые мною пули.

Ткань, на которой нарисованы мишени, не в лучшем состоянии, стена, где они висят, вся потрескалась; упершись локтями в стойку, я прилаживаю приклад. Наслаждаюсь окружающей меня тишиной, представляю, как шелестят листья, как скачет, петляя, заяц и взлетает куропатка, и нажимаю на курок. Приятно, когда видишь, что попал в яблочко. Пуля летит быстрее мысли. Время, требующееся пальцу, чтобы нажать на спусковой крючок, — время медленное, а время после нажатия сродни звуковой волне. Меня пробирает дрожь. Нужно выпить еще одну чашку кофе. К счастью, молодая женщина это знает, я часто здесь бываю, и она

привыкла, что я плачу ей несколько франков за кофе, который она наливает мне из своего термоса. Я пью быстро и без сахара; она снова дает мне пули, нарочито не поправляя лямку платья, соскользнувшую с ее бледного плеча. Когда я отхожу, она поддергивает лямку. Совершенно не хочется разглядывать ее кожу, она слишком часто выставляет ее напоказ, а моя цель — упершись локтями в прилавок и напрягая зрение, поразить мишень. Утренние тренировки волнуют кровь. Особенно мне нравится, что в тире, кроме меня, никого нет. Я слышу шум только своих выстрелов, никаких посторонних звуков, способных заглушить свист моей пули, чистый звук попадания в цель — моего попадания. В чаще, разумеется, со звуками дело обстоит лучше, там слышишь, как падает подстреленный зверь и стихает грохот выстрела. Но надо тренироваться. В лесу, если промахнешься, другого шанса не будет.

Отстреляв второй комплект, я выхожу из тира; сквозь серое небо слабенько просвечивает солнце. Я направляюсь в сторону булочной: по крайней мере, куплю домой хлеба.

Миновав улицу, ведущую в парк, я чувствую, что мне хочется пройтись вдоль берега, и спускаюсь к реке. Сегодня вода темная от взбаламученной ночными ливнями грязи, но течение сильное, и это придает мне бодрости. Забыв о голодном урчании желудка, я размышляю о мускулах, о кровообращении, о кислороде, поступающем в кровь, которая разносит его по всему телу. О рыбе, скользящей в воде и движущейся к своей цели вопреки течению. Плывет ли она по течению или же против него, ее гладкие мышцы, скрытые под чешуйками, совершают максимум усилий, чтобы перемещаться в водной толще. Я трижды ходил на рыбалку с Марком, который считает это занятие самым увлекательным, но я не столь терпелив, как он, чтобы ждать, пока рыба клюнет, к тому же мне не нравится торчать на одном месте. Рыбы все время где-то прячутся, да, собственно, их жизнь и смерть меня не особенно волнуют. Охота не идет ни в какое сравнение с рыбалкой. На охоте все чувства обострены, особенно когда идешь по следу. Зверь, которого ты преследуешь, может рассвирепеть, да и лес

надо знать, а для этого — исходить его вдоль и поперек. Надо уметь растворяться в безлюдных долинах и урочищах, становиться частью их самих. Марк сказал мне, что во время рыбалки чувствуешь то же самое. Сливаешься с прибрежной скалой, с течением, что гонит барашки волн, ищешь, где плещется рыба, пытаешься понять, как она поведет себя, где она обитает, а где просто стоит. И ощущаешь себя водой, окружающей рыбу.

Но я не имею ничего общего с водой, я гораздо лучше чувствую себя в зарослях, чувствую, как пульсирует кровь зверей, как они бегут. Мне легче представить себя сломанной веткой или неподвижно лежащим камнем. В лесу я могу раствориться. А вода... Мне нравится смотреть, как она течет, и только. Вот и сейчас я смотрю, как бежит вода, и мне становится легко. На углу улицы я покупаю хлеб и вскоре уже поднимаюсь к себе на четвертый этаж; надеюсь, в это воскресенье ко мне никто не придет и я проведу его в одиночестве.